

Валерий Иванов

Планета, коронованная льдом...

Валерий Иванов родился в Киеве в семье военнослужащего. Раннее детство прошло в Германии. Впоследствии жил во многих городах Советского Союза. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор восьми замечательных книг стихотворений. Член Союза писателей России, вице-президент Академии поэзии. Живёт и работает в Москве.

Улыбнись мне
Деньги – у власти. Обложенный данью
Дней, торгующих красотой,
С рублём в кармане, спешу на свиданье.
К заветной, к единственной, к той...

Русский путь, как всегда, заклыйтый:
За нищету прощенья нет.
Но я богаче их всех вместе взятых
Крёзов ничтожных побед.

Улыбнись мне, как солннышко,
сердцем тая,
Я набираюсь могучих сил.
Люблю! Преклоняюсь!
Ты – моя святая!
Бог за всё заплатил.

Победа
Незащищённостью своею защищён,
Брожу среди предательства времён,
Медалей, барабанов и знамён.
Победа!

Мой взгляд, летя вперёд сквозь нищету,
Меж будущим и прошлым сжѣг черту.
Душа парит в утратах, как в цветку.
Победа!

Вчера ещё дружку целовал
И Родину хранил и воспевал –
Всё разметал судеб девятый вал.
Победа!

Сегодня побеждённым быть хочу.
Святой любви поставил я свечу,
Пусть мир, скорбя, молчит, но я кричу:
«Победа!»

Ипподром времѐн
Мы в мире, как на ипподроме,
На скачки всех времѐн взираем.
Огромны ставки, риск огромен,
И жалкий выигрши назван раем.

Планета сдерживает время.
Не всё ль равно, кому досталось
Короткой жизни злое стремля –
Как преждевременная старость.

Пусть прозвевали мы столетье,
Познав утраты и уроны,
Лишь бы однажды на рассвете
Им вслед улыбалась душа.

Не разбудил нас звук нейтронный.
Чтоб в небесах не зависали
Инопланетные фрегаты,
Земля раскучивает дали

И тянет время до расплаты.

Солнцева дева
Словно сын Громовержца,
Люблю под грозою гулять
И купаться в реке,
Потешаясь над грозностью молний.

У свободного сердца
Отвагу рабам не отнять,
Потому, что оно
Презирает молитвы на полдень.

Поздно Солнцева дева
Решилась меня зауздать.
Знать, наскучил оавно
святотовитовый конь ей.

И горящее древо
Заменило ей дней благодать,
И расчѣсывать косы ей
милые трезубцами молний.

Потому что и зову:
У кого нет надежды на дом,
Выходите за нами
Огнепальной стихии молиться.

Отсидеться в домах
Не сумеет ни с рублем, ни с крестом.
Так доверьте ж судьбу
освящённые молнией лица!

В Абрамцево
Иван-царевич с царевной-долюшкой,
На Сером волке, царе волков,
Из сказки вынеслись в родное полюшко,
Где небо выше всех облаков.

Иду навстречу им, на сердце – камушек,
В глазах – печалинка. Что им сказать?
За иностранщиной Россия замужем,
Я – горький пьяница, судьбе подстать.

Но сказка – чудная!
Хоть как судьбу мою ни обзови,
Вновь радость грезится
душе измотанной,
И неба хочется – выше любви.

Рождество 2012 года
Проснулся с Великой Россией
Заснеженный клѐн за окном –
Рождественский сон мой развеял
И грусть неизвестно о ком.

Глядел я на белые дали
И видел, на небо дыша,
Как слѣзы меня покидали,
Им вслед улыбалась душа.

Снежинки кружились, как святцы.
Кого ж среди них отыскать?
Вот так бы мне век просыпаться!
Вот так бы мне жизнь коротать!

Переход
Любовь свою встретил
в ночном переходе
На этой планете лишь я один.
Опять не свободна... А кто свободен
В стране, затѣртой льдами витрин?

Она улыбнулась, созрела взглядом.
Пролѣтной комете не жаль тепла.
И всё же я больше был с нею рядом,
Когда, уходя, ещё вся не ушла.

Я ночь без неё донѣс до рассвета,
Не замечая ни звѣзд, ни стен.
Я день без неё исключил из эры,
Как исключают из вузов гуляк.

И долго ещё мне во мраке квартиры
Светил её образ, мерцал её знак.

Моя Планета
Планета, коронованная льдом,
В твой сон попал я ненароком...

Гиперборей
Красивый молодой, здоровый, нищий,
Какого счастья
ты ещё в России ищешь?
Завидуешь ничтожеству царей?
Брось!

Бог улыбаётся тебе, гиперборей!
Метеоритный дождь тебе не страшен,
Твой конец света канул в винной чаше.
Ночное небо грусть твою простит:
Ты опустил глаза, но взгляд летит.

Летит меж звѣзд,
планет и мирозданий...
Он не обманет вечных ожиданий:
Покой и волю встретит на пути.
Какого ж счастья
ты ещё хотел найти?

Улыбка Бога
Побудь со мной ещё немного:
Ты для меня – улыбка Бога
И музыка планет.
Не осуждай мою беспечность.
Я о пути скажу Млечном
И воспеваю свет.

В сиянье солнечной короны
Утраты наши и уроны
Пройдут, как бред.
Тебя всегда найду по знакам:
В твоей руке – пять алых маков:
Пять миллиардов лет.

Но пять минут мне вновь дороже.
Их заменить ничто не сможет
Скиталище-душе.
Забудь земное притяженье,
Сожжѣм с тобой ещё мгновенье –
На вечном вираже.

Догадка
Дорогая, послушай: любви-то нет!
Есть только дружба в миру, не боле.
Любовь означает – божественный свет
Над нашей радостью, грустью и болью.
К лучшему ли догадка моя?
Навряд ли, но, приняв прозренья муку,
Прошлое, словно измену, тая,
Я выбираю в подруги разлуку.
Выбор – счастье, выбор – беда.
Легче взглядом отдавать звѣзды.
Они над нами зажглись навсегда...
Но поздно зажглись они,
слишком поздно!

В Коломенском
Ты любишь игривых и умных?
Так вот, я, тебе напоказ,
На Пасху прикинулся юным
И радость крестил, словно Спас.

Оттѣрли меня от религий
Двадцатого века волхвы,

И до сих пор тоскую о Высоком;
Но где любовь моя и дом?
Опять всё под вопросом: эти сны,
Отечество и жизнь сама, и воля,
Моѣ инопланетное подполье.
Бреду вдоль тьмы, как вдоль стены.
Уж лучше проспать самозанцем,
Чем быть ничему, никому.

Пусть новые горе-пророки
Пугают нас Страшным судом.
Запомним счастливые сроки!
Узнаем, что будет потом!

Соперницы
Телебашня – штука важная,
Как маяк в дороге дальней.
Выручалочка домашняя:
Всѣ видать из тёплой спальни.

В каждом доме телевизоры;
Всѣ экраны да экраны.
И ведут в душе ревизию
Разноликие шайтаны.

И мужины очаровано
В синие кошки пялятся.
Ну, а те, что им дарованы,
До утра кусают пальцы.

Выбор
Говорят, с умножением лет
В нас душа не стареет.
Говорят, если даже ты дед,
Пыл любви молодеет.

На скамье у подъезда сижу
И с удачного места
На девчат проходящих гляжу –
Выбираю невесту.

Вон – красавица... Кто она? Чья?
Эта девушка – диво!
Я готов уже к жарким речам.
Но... в руке у ней пиво.

А за нею другая идёт –
Да какую походкой!
Но... дымяще табачный плывѣт
За крутой красоткой.

Мне курящая не ко двору...
Глядь, картинка иная:
Бесподобны движения рук,
Красота неземная!

Незнакомка с улыбочкой глядит.
– Деньги, милый, имеешь?
Если в баксах мне выдашь кредит,
Обслужу – онемеешь!

– Баксов нет. Ну а в баксу* – прощу!
Там занятий в достатке.
– Мне «зелѣненьких» нравятся шум,
А не сад и не грядки!..

Подкатил на авто толстопуз
И увѣз незнакомку.
Я сижу на скамье и дивлюсь:
Есть отрада хоть в ком-то?!

Кто полюбил небесное светило,
Тому смешно бояться высоты.

Они над нами зажглись навсегда...
Но поздно зажглись они,
слишком поздно!

Оттѣрли меня от религий
Двадцатого века волхвы,

И до сих пор тоскую о Высоком;
Но где любовь моя и дом?
Опять всё под вопросом: эти сны,
Отечество и жизнь сама, и воля,
Моѣ инопланетное подполье.
Бреду вдоль тьмы, как вдоль стены.
Уж лучше проспать самозанцем,
Чем быть ничему, никому.

Пусть новые горе-пророки
Пугают нас Страшным судом.
Запомним счастливые сроки!
Узнаем, что будет потом!

Носащему имя героя
Ещё безусым Салават
своим геройством смог прославиться.
А мой сосед, хоть и усат,
но до сих пор бездельем мается.

Хоть то же имя у него
и богатырское сложение,
но где деяния его?
Где родине его служение?

Давно из возраста мальчика
он вышел, но, стыда не ведая,
сидит на шее у отца,
за семерых один обеда.

И вместе с ним по вечерам
таких, как он, ватаги шумные,
под струн гитарных тарарам,
кричат в подъезде, как безумные.

Всѣ время сонный, сытый взгляд,
в словах и чувствах – бездна фальши.
Святое имя – Салават –
как смеет он поанить дальше?

Пусть кто-нибудь пойдѣт в музей,
там Салавата хлыст попросит –
да вспылит глупому плетей,
чтоб вспомнил, чьѣ он имя носит!..

Но я скажу...
– Скажи, с женой живѣшь ты дружно? –
Мне друзья пытаются часто.
Я не пойму, зачем им нужно,
чтоб я сказал, что мы несчастны?

Да, я могу себя заставить
сказать, что мы живѣм отвратно,
и этим радость им доставить,
чтоб стало им на миг приятно!

Но я скажу, им всем на зависть,
что я жену люблю доньне,
и даже в обществе красавиц
одной её шепчу я имя...

Первый снег
Пожухла жѣлтая трава
и вьюга мир весь день терзала.
И ты холодные слова
тогда впервые мне сказала.

Весь вечер снег на землю шѣл,
а солнце встало – он растаял.
Но лёд, в сердце мне вошёл,
навекі холод в нём оставил!..

Перевѣл Николай Перевос

Мар. Салим

Я жизнь сатире посвятил...

Известный российский писатель-сатирик, поэт и общественный деятель Марсель Шайнурович Салимов родился в 1949 году в Башкортостане. С отличием окончил филологический факультет Башкирского государственного университета, служил офицером в Советской Армии, долго работал в редакции сатирического журнала «Хэнэк» («Вилы») литсотрудником, редактором отдела, а с 1980-го до выхода на пенсию в 2010 году – главным редактором. Литературный псевдоним «Мар. Салим» со старотюркского означает: «мар» – «разгром», «салим» – «здоровый»; то есть, как когда-то писалось в журнале «Крокодил», Марсель Салим и есть «здоровый разгром в Башкирии». Его произведения, как говорил незабвенный Сергей Михалков, «звуют к добру, свету, честности и справедливости». Марсель Салим автор двадцати семи книг; его произведения переведены более чем на сорок языков и опубликованы во многих изданиях страны и за рубежом. Он лауреат международных и российских премий, заслуженный работник культуры РФ и Республики Башкортостан, лауреат международных литературных премий «Алеко» (Болгария) и имени С. Михалкова (СНГ). За заслуги в области печати, культуры, укрепления дружбы и сотрудничества между народами награждѣн орденом Дружбы.

– Редактор «Вил» –
высокий пост,
мудрее будь вдвойне! –
Коллеги,
кто под шестьдесят,
напутствовали мне. –
И дерзок, и не сдержан ты,
подкальывай привык.
А надо – ох! – придерживать
язвительный язык.

Неровен час,
и до беды
тебя он доведѣт:
Начальство не одобрит вдруг
или не так поймѣт...
Но я в советы не вникал,
соломок не стелил.

И в пух и прах
через журнал
всѣ зло наотмашь бил.
Мишенью были бюрократ,
хапуга, рвач и хам,
кто у народа воровал
и жить мешал всем нам.

Чтоб зло под корень извести,
очистить общій дом,
я жизнь сатире посвятил
и не жалел о том.
Все жили рвал...
Но вот беда –
не стало меньше зла.

И дури много,
как всегда,
и пакость не ушла.

Наверно,
для такой борьбы
жизнь коротка была...
А для чего ж тогда писал,
пороки бичевал?
К чему азартно пестовал
колючий свой журнал?

Как дальше быть?
Такой вопрос,
конечна, к молодым.
А я, устав, как паровоз,
от наставлений и от гроз,
и в шестьдесят –
вот парадокс! –
не уступаю им.

И шефы лет по тридцати
мне пальчиком грозят.
И слышу вдруг знакомое,
как много лет назад:
– Ты без оглядки говоришь,
ты к дерзости привык.

Пора тебе попридержат
язвительный язык!
Но я,
махнув рукой опять,
иду своим путѣм.
Мне жизнь уже не поменять,
гори она огнѣм!

Когда бы я со слов чужих
указы выполнял,
то сел бы на телегу их,
их несням подпевал.

Своим бы слыл средь них всегда,
твердя себе:
«Нельзя...»
Но разве был бы я тогда
сатириком,
друзья?!

Перевѣл Марат Ямалов

Я виноват
И что, и как... Про то никто не знает.
Какая-то сплошная маета.
Несправедливость, подлая, гуляет,
А справедливость в клетке заперта.

Кто понаглее, тот вовсю жирует
И в ус не дует... Вольное журиет!
А честный бедствует; он не ворует;
Он скромно дело делает своё.

Гляди: начальники да депутаты,
Друг друга обвиняя, дерзко лгут.
Тот сладко говорит, а этот – матом,
А приглядисься: тот и этот – плут.

И бизнесмены нынче не зевают,
У них одна мечта, одна цена:
Мешки, мешки, деньгами набивают;
Гори огнѣм, родимая страна!

А власть страны
с экрана смотрит важно.
Она-то ни при чём, она честна.
Вот пенсии повысила уж дважды...
Пособия... Какого вам рожна?..

Те, кто рулил, в рулящих пальцем тычут:
Мол, довели до нищеты страну.
А им в ответ: «Ошибка ваших – тыцки!
Признайте среди них хотя б одну!»

Такая чехарда!.. Никто не хочет
Признаться,
что хоть в чём-то виноват.

И я встаю над болтовнёй порочной,
И поднимаю свой усталый взгляд,
И говорю: «Виновных не ищите!
Я виноват! Поверьте, только я!...
Свой голос «за» я отдавал, судите:
Не видел ни жульня и ни вора!»

Не я ль глупим годами притворялся?
Не я ль молчал ни к месту, будто нем?..
Вот потому народ и настрадался,
Вот потому и приуныл совсем...»

Чтоб обмелело море общей лжи,
И вы покайтесь, важные мужи!

Вспомнил
Начальником мой друг давнишний стал.
Теперь он в кабинете. В силе.
Весь день приёмю у него я ждал.
Лишь вечером меня впустили.

Но он не поднял на меня и глаз
И слова доброго не молвил,
Хотя бывое связывало нас...
И тут я о себе напомнил:

– Росли мы вместе в детские года,
Неужто ты забыл, как мы шалили!
Как воровали яблоки в садах!
Как девочку одну любили!

Но он не помнит этого сейчас.
Молчит угрюмо и устало.
Как будто бы увидел в первый раз.
Не заболел ли? Что с ним стало?

– А помнишь, целых десять лет
За партою одной сидели?
Как у меня ты списывал ответ?
Над сочинением твоим корпели!..

Но он не помнит этого сейчас.
Молчит угрюмо и устало.
Как будто бы увидел в первый раз.
Не заболел ли? Что с ним стало?

– А помнишь институт? Ведь мы тогда
В одном ютились общежитие?
А сессия наярят?.. Не беда!
Где знаем мы брали, где нашьем.

Но он не помнит этого сейчас.
Молчит угрюмо и устало.

Сатирик
«Я взмылен весь, но мира не отмыл...»
Б.Примеров

Я в юности, как вилами,
преграды все сметал
и, наливаясь силами,
учился и мужал.
Заметив это,
к тридцати
мне вверили журнал.